НОВОНАЙДЕННЫЕ ТЕКСТЫ И ПИСЬМА А. И. ПОЛЕЖАЕВА

I. ПОСЛАНИЕ ПОЛЕЖАЕВА Ф. А. КОНИ

Публикация В. И. Безъязычного

Среди бумаг известного водевилиста и журналиста Ф. А. Кони (1809—1879) нами обнаружен автограф стихотворения Полежаева «Федору Алексеевичу Кони», подписанный криптонимом «П...в» и имеющий помету «1832 года февраля 19 дня» [1].

Вероятно, это — ответ Полежаева на не дошедшее до нас стихотворение Кони, написанный поэтом-солдатом на Кавказе, в дни труднейшей зимней экспедиции в Чечню 1831—1832 гг. Именно к этому же времени относится и послание Полежаева к его московскому другу, А. П. Лозовскому («Бесценный друг счастливых дней...»), имеющее аналогичную помету («Крепость Грозная, 7 февраля 1832 г.»). Стихотворение «Федору Алексеевичу Кони» непосредственно примыкает к группе написанных в это же время произведений Полежаева («Демон вдохновения», «Раскаяние», а также отмеченное выше послание Лозовскому) — их объединяет манера напряженного лирического монолога с такой характернейшей для Полежаева стилистической особенностью, как большой период с применением лексических и синтаксических анафор. Упоминанию «гурий неги Гаафица» (то есть знаменитого персидского поэта Гафиза) близки образы древнеперсидских богов Аримана и Оризмада в «Демоне вдохновения». Что касается эпиграфа на немецком языке, то это, очевидно, сделано в угоду склонности Кони к немецкой поэзии: «Кони, немец удалой»,— назвал его Д. Т. Ленский [2]. Это тем более вероятно, что для Полежаева характерны французские эпиграфы.

Ко всему сказанному следует привести некоторые неизвестные сведения о Кони периода его знакомства с Полежаевым, которые вносят в привычный литературный портрет водевилиста несколько новых штрихов, весьма характерных для человека, к которому опальный Полежаев обратился с дружеским посланием. Кони познакомился с Полежаевым, видимо, около 1825—1826 гг., когда поэт был слушателем словесного отделения Московского университета, а Кони — воспитанником благородного пансиона Чермака. На почве литературных и театральных интересов Кони уже в то время был близок с некоторыми студентами и слушателями университета, в числе которых были и приятели Полежаева. Так, например, известно, что Кони был связан тесной дружбой с Алексеем Галаховым, который в 1825 или 1826 г., будучи студентом, встречался с Полежаевым [3]. Другой фигурой, связывавшей Полежаева с Кони, мог быть Александр Ротчев, рано приобщившийся к московским литературным кругам.

Около 1826 г. Полежаев познакомился и с Лукьяном Якубовичем — поэтом, близко знавшим Кони. Сохранившиеся в бумагах будущего издателя «Репертуара и пантеона» списки некоторых стихотворений Полежаева, относящихся к этому времени, также могут служить одним из свидетельств знакомства Кони с их автором [4]. Когда по «высочайшей воле» Полежаев стал солдатом и в 1828 г. провел около года в заключении на гауптвахте Спасских казарм, молодежь близкого Кони круга живо интересовалась судьбой поэта и находила возможность получать от него стихотворения, написанные в каземате. В архиве Кони хранится тетрадка стихотворений Полежаева под следующим характерным названием: «Лира русского Шенье А. Полежаева»,

с посвящением: «Хороший приятель поэта приносит—как плод горестных часов, проведенных *в нетерпеливом ожидании* тебя *из* К.»[5]

В эти годы Кони, подобно многим представителям передовой московской молодежи, был настроен радикально. Столкнувшись в 1829 г. с одним из обычных в то время фактов бесчеловечного обращения с крепостными, он с горячим юношеским негодованием писал своему другу Галахову: «Нет, у негров, где люди продают друг друга в рабство, лучше, нежели у нас, в просвещенном европейском государстве, где рабство безмилосердно угнетает слабых, разрывает родство, отымает последнее у бедного!»[6] О вольнолюбивых настроениях молодого Кони свидетельствует и написанная им в ту пору пародия на официальный гимн «Боже, царя храни», в которой немало «дерзких» мыслей, вроде следующего обращения к «всевышнему»:

Чадо татарское,
Чванство боярское
Вздень на бревно![7]

В 1832 г., будучи вольным слушателем университета, Кони сочинил уничтожающий «Гимн в честь попечителя Московского университета Голохвастова» — одного из надежных проводников уваровской политики «оказенивания» науки. На копии этого гимна, написанного на французском языке, есть многозначительная позднейшая помета автора: «За что сам должен был покинуть университет, а товарищи пробыли лишний год»[8]. Обстоятельства вынужденного ухода Кони из университета неизвестны, но интересным и новым для характеристики друга Полежаева является то, что Кони был близок с поэтом Владимиром Соколовским, арестованным вместе с Герценом и Огаревым по делу «О лицах, певших пасквильные стихи» (1834).

Не подлежит никакому сомнению, что Кони был связан с членами кружков Герцена—Огарева и Соколовского, как и то, что цитировавшиеся выше сатирические куплеты Кони навеяны известными «пасквильными» сочинениями Соколовского. Сохранившиеся письма Соколовского к Кони, написанные всего за год до ареста их автора, позволяют предполагать, что друзья обменивались сокровенными мыслями, в том числе и на политические темы[9]. Как известно, Соколовский общался с Полежаевым в Москве зимой 1833/34 г.

Таков был Кони именно в те годы, когда он встречался с Полежаевым в Москве и мог переписываться с ним,— стихотворение «Федору Алексеевичу Кони», написанное на Кавказе, прислано поэтом или самому адресату, или передано через кого-либо из общих знакомых, с которыми опальный поэт поддерживал связь. По возвращении с Кавказа в Москву летом 1833 г. Полежаев встречался с Кони вплоть до переезда последнего в Петербург в 1836 г.; несомненным подтверждением этого служит запись четверостишия в альбом Кони, сделанная им вместе с Якубовичем[10].

Все это рисует молодого Кони передовым человеком, идейно близким Полежаеву. Конечно, за свою долгую жизнь Кони проделал весьма характерную для российских либералов эволюцию — от «продерзостных» сочинений и бесед на политические темы с завтрашними «государственными преступниками» до верноподданнических виршей в честь царя-«освободителя», до злобного выпада против Чернышевского[11].

Но важно отметить, что «на заре туманной юности» Федор Кони, подобно многим своим современникам, был настроен если не революционно, то во всяком случае безусловно прогрессивно, что он искал встреч и знакомств с такими людьми, как опальный Полежаев, посвятивший ему задушевное послание, впервые публикуемое ниже.

ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ КОНИ

Was sein soll—muss geschehen!*

Я не скажу тебе, поэт,
Что греет грудь мою так живо,
Я не открою сердце,— нет!
И поэтически, игриво,

* Чему быть — того не миновать! (нем.

Я гармоническим стихом,
В томленьи чувств перегорая,
Не выскажу тебе о том,
Чем дышит грудь полуживая,
Что движет мыслию во мне,
Как глас судьбины, глас пророка
И часто, часто* в тишине
Огнем пылающего** ока
Так и горит передо мной!
О, как мне жизнь тогда светлеет!
Мной все забыто — и покой
В прохладе чувств меня лелеет.
За этот миг я б все отдал,
За этот миг я бы не взял
И*** гурий неги Гаафица —
Он мне нужнее, чем денница,
Чем для рожденного птенца
Млеко родимого сосца!

Так не испытывай напрасно,
Поэт, волнения души,
И искры счастия прекрасной
В ее начале не туши!
Она угаснет — и за нею
Мои глаза закрою я,
Но за могилою моею
Еще услышишь ты меня.
Лишь с гневом яростного мщенья
Она далеко перейдет,
А все врага найдет
В веках грядущих поколеньях!

1832 года февраля 19 дня П . . . в

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ИРЛИ, ф. № 134, оп. 5, ед. хр. 177 («Неизвестных авторов стихотворения»), л. 27—27 об.

[2] Д. Т. Ленский. Эпиграммы, шутки, послания.—«Русская старина», 1880, № 10, стр. 449.

[3] И. А. Шляпкин. Заметка об А. И. Полежаеве.— «Русский библиофил», 1913, № 3, стр. 2—3.

[4] Например, «Новая беда» и «Рассказ Кузьмы или вечер в Кенигсберге (истинная повесть в стихах)», извлеченные из бумаг Кони В. В. Барановым (А. И. Полежаев. Стихотворения. М.—Л., «Academia», 1933, стр. 140—142, 322—339, 614, 635, 686).

[5] ИРЛИ, ф. № 134, оп. 5, ед. хр. 167.

[6] Там же, ед. хр. 31, л. 28 (письмо от 25 июня 1829 г.).

[7] Там же, ед. хр. 13, л. 6 об.

[8] Там же, ед. хр. 9, лл. 1—2.

[9] О близкой дружбе Кони с Соколовским свидетельствуют два письма Соколовского, хранящиеся в ИРЛИ (ф. № 134, оп. 5, ед. хр. 101). В письме, имеющем помету «28 марта 1833 г. Село Троицкое» (Мещовского уезда Калужской губ.), есть любопытная поправка Соколовского: «Не думай, однако ж, чтобы на этот раз было что-нибудь политическое...». Написав это, Соколовский, вероятно из опасения перлюстрации письма, исправил «политическое» на «литературное».

[10] См. ниже, стр. 614.

[11] «Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения (1861—1862)».— «Красный архив», 1926, № 1, стр. 121.

---

* *Первоначально*: что-то
** *Первоначально*: сверкающего
*** *В автографе описка*: Ни

II. «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ» НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ПЕРЕВОДА ПОЛЕЖАЕВА

Публикация В. В. Баранова

Гонения цензуры на стихи Полежаева своим упорством и фанатизмом превосходят преследования, выпавшие на долю произведений его современников. Значительная часть литературного наследия Полежаева была замурована в недрах цензурного архива.

Каждый сборник произведений Полежаева подвергался цензурным гонениям. Запрещалось все, что выходило из-под его пера, и преждевременная смерть поэта не прервала, а, напротив, усилила травлю. Копии рукописей, сделанные другом его А. П. Лозовским, списки, не один раз представлявшиеся в цензуру их владельцами, скапливались в архиве Московского цензурного комитета, расходились по рукам, частью терялись, частью уничтожались. Такова судьба стихотворений, которые поэт в три последние года своей жизни, ценою некоторых уступок цензуре, стремился донести до читателя [1].

Более четверти всего известного нам литературного наследия Полежаева — художественные переводы. Им переведено свыше двадцати крупных стихотворений французских поэтов, принадлежащих к разным литературным направлениям: стихи Ламартина, Гюго, Панара, Делавиня и, наконец, Легуве. Переводы эти, в большинстве своем исполненные мастерски, не оценены, однако, критикой по достоинству. Существующую оценку следует признать поверхностной, условной и противоречивой [2].

* * *

Во всех изданиях сочинений Полежаева, начиная с издания Солдатенкова 1857 г. и кончая изданием Гослитиздата 1955 г., печатались два отрывка из поэмы французского поэта Легуве под заглавием «Последний день Помпеи» и небольшой, но очень выразительный отрывок из его же поэмы «Фалерий».

Обе драматические поэмы («La mort de Pompé» и «Fhalère») принадлежат французскому поэту-романтику Эрнесту Легуве (1807—1903) и входят в первый сборник его драматических поэм «Странные смерти» («Morts bizarres». Paris, 1832) [3].

Оба перевода, выполненные Полежаевым, свидетельствуют о том, что страстный интерес поэта к истории и литературе древнего Рима не исчез за двенадцать лет тяжелой военной службы. Образ Спартака, созданный поэтом в стихотворениях «Рок», «Видение Брута», «Марий», получил дальнейшее развитие в «Кориолане» (1834), большой поэме из римской жизни.

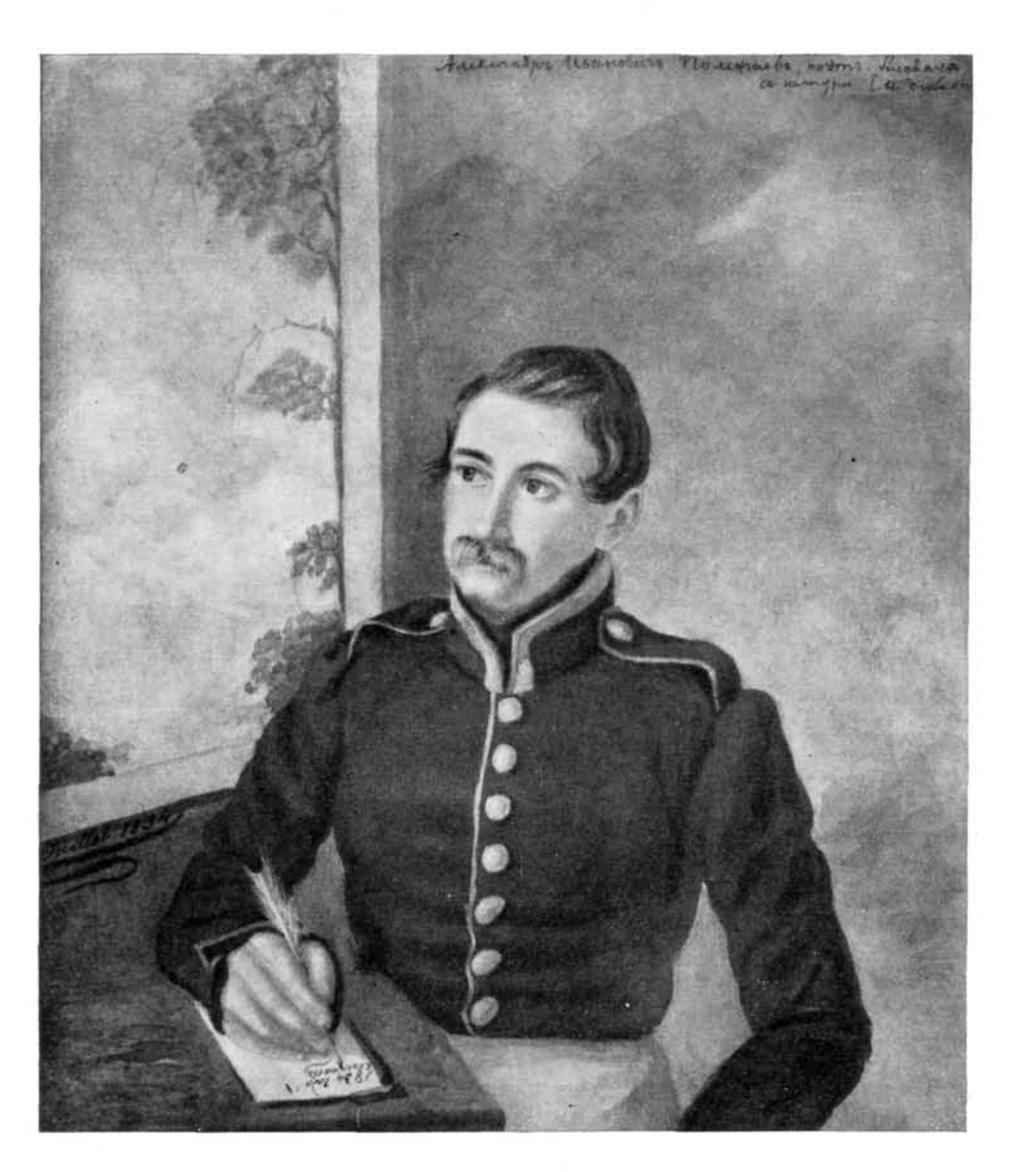
Вполне понятно, почему именно отдал предпочтение Полежаев названным поэмам среди других поэм Легуве: тема древнего Рима органически входила в круг давних интересов поэта, общих с интересами поэтов-декабристов, воспевавших политическую свободу и героизм римлян. К тому же картины смерти в этих поэмах Легуве соответствовали настроениям последних лет жизни Полежаева. Всего лишь полгода назад, в 1837 г., Полежаев создал цикл стихотворений «Венок на гроб Пушкина». Элегический эпилог «Последнего дня Помпеи» звучал как погребальная песнь, написанная поэтом себе самому.

Однако был и еще один стимул для этого выбора. Не подлежит сомнению прямая связь труда Полежаева с картиной К. П. Брюллова «Последний день Помпеи».

Прежде всего в самом названии поэмы Полежаев отступил от подлинника. В подлиннике поэма называется «Смерть Помпеи» («La mort de Pompé»).

Творчество Полежаева никогда не питалось абстракциями, порожденными поэтическим воображением, оно всегда было связано с реальной действительностью. Таково же было и творчество Полежаева-переводчика.

В первой четверти XIX в. в Италии начались раскопки древних городов, погибших в 79 г. до н. э. в результате сильного извержения Везувия. Катастрофа у Неаполитанского залива, прекратившая существование цветущих городов Геркуланума и Помпеи,

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

Акварель Е. И. Бибиковой, июль 1834 г.

На портрете надпись неизвестной рукой: «Александр Иванович Полежаев, поэт. Рисовала с натуры Е. И. Бибикова»

впоследствии сделалась предметом внимания деятелей всех видов искусства. Итальянский композитор Пачини написал оперу «Ultima giorna di Pompei», Брюллов создал свое знаменитое полотно, а Легуве — драматическую поэму.

Картина Брюллова была закончена в 1834 г. и пользовалась в Риме огромным успехом. В том же году она была привезена в Петербург. В декабре 1835 г. Брюллов приехал в Москву и пробыл там несколько месяцев. Журналы, письма, мемуары современников свидетельствуют о восторженном приеме, оказанном художнику жителями обеих столиц. Появились воспроизведения знаменитой картины, в их числе известная литография Разумихина. Пушкин откликнулся на это событие художественной жизни стихами «Везувий зев раскрыл...».

Вполне естественно, что Полежаев, поэт с ярко выраженным общественным темпераментом, не остался чужд этому увлечению. К тому же среди молодых московских художников, сопровождавших великого мастера, были знакомые Полежаева: А. С. Ястребилов, Е. Д. Тюрин, Е. И. Маковский [4].

* * *

Два известных ранее отрывка из перевода Полежаева — это введение и заключительная часть (эпилог) поэмы «Смерть Помпеи» [5]. Найденные отры[illegible], общим объемом в 88 стихов, представляют собою средние звенья поэмы.

Драматические картины «Смерти Помпеи», входящие во франц[illegible]ский оригина[illegible], следуют друг за другом в таком порядке:

1. Введение.
2. Плиний и Везувий.
3. Господин и раб в банях.
4. Невеста и жених.
5. Заблудившееся дитя.
6. Отец и сын.
7. Человек.
8. Заключение (эпилог).

В представленной в цензуру рукописи поэмы мы обнаружили два из шести недостающих звеньев перевода [6].

Успел ли Полежаев перевести «Фалерия» и «Смерть Помпеи» целиком? Существует ли где-нибудь полный список перевода или автограф? Найдутся ли когда-нибудь черновики отдельных картин «Последнего дня Помпеи», разошедшиеся по рукам случайных поверенных поэта и его кредиторов? Ответа на эти вопросы пока еще нет.

Ниже печатаются все известные до настоящего времени фрагменты переведенного Полежаевым текста в том же порядке, как и в подлиннике. Строки, публикуемые впервые, набраны крупным шрифтом.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

(Из Легуве)

Печальна и бледна, с высокого балкона,
В полночной тишине внимала Дездемона
Напеву дальнему беспечного гребца,
И взор ее искал гондолы невидимой,
С которой тихий звук гармонии любимой
К ней долетал, как звук пернатого певца.

И грустная, она блуждающее око
Вперяла на ладью, мелькавшую далеко
В пространстве голубом, над сонною волной,
Лишь изредка во мгле звездою озаренной,
Как будто мрак души, внезапно освещенный
Надежды и любви отрадною мечтой.

Все скрылося; она была еще вниманье...
Неистовой любви безумное страданье
Приходит ей на мысль — на арфе золотой
Поет она судьбу Изоры несчастливой.
И ей ли не понять тоски красноречивой,
Когда она поет удел свой роковой?
Потом, напечатлев, с улыбкою прощальной,
Лобзанье на челе наперсницы печальной,
«Прости!» — сказала ей, с слезою на очах,
И после, предана неизъяснимой муке,
Воздела к небесам младенческие руки
И пала пред лицом всевышнего во прах...

И, полная надежд и тайных ожиданий,
Отрады и тоски, молитвы и страданий,
На ложе мрачных дум и девственной мечты
Идет она, склонив задумчивые взоры —
И долго, долго тень унылая Изоры
Вилася над главой уснувшей красоты.

И как спала она в беспечности небрежной!
Как ласково у ней по груди белоснежной
Рассыпалась волна гебеновых кудрей,
Как пышно и легко покровы золотые
Лелеяли и стан, и формы молодые —
Создания любви и пламенных страстей!..

Порой мятежный сон тревожил Дездемону;
Она была в огне, и вздох, подобный стону,
Невольно вылетал из трепетной груди,
И яркая слеза, как юная зарница
В туманных небесах, скатившись по реснице,
Скользила и вилась вокруг ее руки.

Прорезав облаков полночных покрывало,
Казалося луна с участием взирала
На бледные черты прекрасного лица,
Как бы на памятник безвременной могилы
Или на горлицу, уснувшую уныло
Под сетью роковой жестокого ловца...

О, как она была божественно прекрасна,
Руками белыми обвивши сладострастно
Лилейное чело, как греческий амфор!
Как трогательно все в ней душу выражало,
Как все вокруг нее невинностью дышало —
Кто мог бы произнесть ей грозный приговор?..

И вдруг глубокое молчанье
Прервал глухой, протяжный гул,
Как будто крылья размахнул
Орел на бранное призванье,
Иль раздалось издалека
Рыканье тигра роковое,
Который бил, от злобы воя,
Громады знойного песка.
То был Отелло, мрачный, дикий,
Вошедший медленно в покой,
Бродящий с страшною улыбкой

Вокруг страдалицы младой.
Внезапный шум во мраке ночи
Тогда извлек ее от сна;
Подняв чело, открывши очи,
Невинной роскоши полна,
Еще с печалью сновидений
На отуманенном челе,
Полна тоски и наслаждений,
Как юный ангел на земле,
Она глядит и видит... Боже!
Свирепый, бледный, как злодей,
Бросая мутный взор на ложе,
Стоит Отелло перед ней,
Отелло с сталью обнаженной,
Отелло с молнией в очах,
Отелло с громом на устах:
«Погибель женщине презренной!..»
Бледна, как смерть, она встает —
Бежит, но он рукой железной
Предупреждает бесполезный
И поздновременный уход;
Бессильную, полуживую,
Ожесточенный не щадит,
И будто жертву молодую
На ложе брачное влачит...
Напрасны слезы и моленья;
Напрасно, в власти у врага,
Стан, полный неги, наслажденья,
Вился и бился как волна...
Не слышит он ее стенанья:
Он душит мощною рукой
Красу подлунного созданья,
И Дездемона — труп холодный и немой.

Так некогда, дыша прохладой ночи ясной,
Под небом голубым Италии прекрасной,
Внимая шуму волн на берегу морском,
На ложе из цветов, под миртовою тенью
Раскинута и вся предавшись наслажденью,
Помпея юная была объята сном.

Под ризой вечера в груди ее высокой
Рождался иногда протяжный и глубокий
Стон девственной мечты и тихо замирал;
И влажный блеск садов ее ветвистых,
Как будто бы венком из волосов душистых,
Прелестное чело ей пышно осенял...

О, как была она в рассеяньи приятном,
Похожа на звезду под небом благодатным,
Простертым с роскошью над ней!
С какою негой прихотливой
Ей навевал зефир ревнивый
На очи тишину и мирный сон детей!

О, как была она беспечна и покойна
Над влагою морской, раскинутою стройно
Под золотом луны, вокруг ее дворцов,

СМЕРТЬ ПЛИНИЯ

Сепия П. В. Басина, 1830-е гг.

Русский музей, Ленинград

Над этой влагою прозрачно голубою,
Одетою, как дух, огромной пеленою
Из мрака, туч и облаков.

О, пробудись, несчастное созданье!
Проснись — ужель не слышишь ты
Подземной бури завыванье
Под страшной ризой темноты?
Смотри, смотри — во мраке ночи
Зарделись огненные очи;
Повсюду гул, и гром, и звук...
Беги! То он, неодолимый,
Никем в боях непобедимый,
Волкан — твой пагубный супруг!..

Вот, озаряя свод надзвездный,
Встает огромный великан
Над истребительною бездной;
Взмахнул, как сильный ураган,
Своими жгучими крылами;
И смертоносными руками
Готовясь землю охватить,
С кровавым и отверстым зевом,
Пылая яростью и гневом,
Тебя идет он поглотить!..
Увы, несчастная Помпея!
Напрасно бледная, в слезах,
Ты извиваешься в когтях
Убийцы — огненного змея!
Как дикий лев, рассвирепев,
Играет он своею жертвой
И над бездушной, полумертвой,
Возлег, открыв широкий зев...
Его огни, как море, плещут
И, разливаясь, грозно мещут
Везде отчаянье и страх;
И пожирает ярый пламень
Кристалл, и золото, и камень,
Сверкая в молнийных лучах...

. . . .

Но я не на челе развалин драгоценных,
Но на челе существ, умом одушевленных,
В которых жили мысль и чувства и сердца,
Хочу узреть следы свирепого бойца!
На них он отразил с суровостью печальной
Чертами дивными свой ужас гениальный.
Что падший памятник!.. Разрушенный кумир
Но мертвое чело: идея, целый мир!..
О, дайте ж мне среди грозы и разрушенья
Искать у мертвецов восторга вдохновенья
И кистью слабою, но резкой и живой
Представить страшный вид картины роковой,
Унылой, горестной, великой, безотрадной,
Которой рамой был Везувий кровожадный!..
Взгляните ж, — в дымных облаках,
Вот мать с младенцем на руках!
Едва залог любви прекрасной,

Невинный сын увидел день,
Как разлилась над ним ужасно
И навсегда ночная тень.
Еще младенческие звуки
В его устах не раздались;
Ни разу трепетные руки
Вокруг родной не обвились;
Еще сама она впервые
Лобзала очи голубые
Кумира нежности своей
И, превратясь в очарованье,
Его невинное дыханье
Пила с блаженством матерей...
Как вдруг вулкан, суровый, дикий,
Завыл над светлою четой —
И мир ее души с любовью и улыбкой,
С слезою на очах и ласкою немой
Угас, как метеор, под ризою ночной!
А он, ручей блестящий и прозрачный,
Едва волну свою развил,
Едва хотел нестись долиной злачной,
Как первый вопль его уже последним был!
И так, унылый вид печали безнадежной,
Вид женщины с убитою душой,
Лишенной счастия быть ма́терию нежной,
Невинное дитя, сраженное судьбой
При гибели несчетного народа,
Вулкан обрушенный, как страшная невзгода,
На робкую главу, весенний цвет земли,
Которого б крыле зефиры унесли,
Все это для меня ужаснее паденья
Высоких пирамид, богатых городов.
Их вызовет опять для будущих веков
Великий гений просвещенья!
Воскреснут мрамор и гранит —
Их оживит могучее воззванье,
Но кто ей, матери, кто первое лобзанье
Младенца-сына возвратит?

КАРТИНА 1-ая

Плиний и Везувий

Плиний

Блистай еще, греми, Везувий ненасытный,
Открой твоих богатств источник любопытный!

Везувий

Довольно для тебя разрушенных дворцов,
Бунтующих стихий и пламенных валов,
Разлитых, как моря, между развалин диких!

Плиний

О, нет, во глубину пучин твоих великих
Проникнуть должен мой неустрашимый взор —
Увижу, оценю чудес твоих собор!..

Везувий

Несчастный, удались!

Плиний

Но кто ж тебя опишет?

Везувий

Смотри — мое жерло огнем и пеплом дышит!

Плиний

Я опишу их!

Везувий

Прочь, пока твое чело
Кипучей лавою еще не обожгло.

Плиний

Так в ней я омочу перо мое живое
И в книге разолью, как пламя огневое!

Везувий

Смотри: мильон огней я сыплю на тебя!..

Плиний

Еще!.. Везувий, вновь!.. Зевес, как счастлив я!
Заметил дым густой из пропасти безмерной,
Поднявшись, разливал над нею запах серный,
Как ель высокая, он в воздухе стоял,
Блеск молний...

Везувий

Так умри⟨ж⟩ на ребрах этих скал!..

Плиний

Еще, Везувий, вновь! Диктуй! Я продолжаю!.

Везувий

Надменную главу я снова поражаю!

Плиний

Я ранен! Кровь бежит из ран моих ручьем...
Но пусть! Иду к тебе!.. Я снова над жерлом!
Везувий!.. Я беру окровавленный камень.

(пишет)

Он черен и горяч... его извергнул пламень!

Везувий

Ты дальше не пойдешь.

Плиний

Быть может.

Везувий

Я сказал:
Ты дальше не пойдешь!..

Плиний

Но все ли я узнал?

. . . .
Когда в последний раз бесчувственные вежды
Сон вечный тихо осенит,
То облачают труп в печальные одежды,
И в гробе роковом ничто не говорит,
Кого скрывает он под черной пеленою;
Лишь руки, на груди лежащие крестом,
Колено, голова, рисуемые стройно
Прозрачно-тонким полотном,
Вещают в тишине, что гость его покойный
Был некогда с душой. Так точно и вулкан,
Как будто удручен печалию немою,
Помпею облачил в дымящийся туман
И скрыл ее чело под лавой огневою...
И где величие погибшей красоты?
Все пепел, уголь, прах — все истребили боги!
Кой-где, освободив главу от пыльной тоги,
Разбитый храм унылые мечты
Наводит и гласит, как голос эпопеи:
Здесь прах Помпеи!..

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О судьбе прижизненных изданий Полежаева и о роли в ней А. П. Лозовского см. статью В. И. Безъязычного «А. И. Полежаев и царская цензура (Из истории издания произведений Полежаева в 30-е годы XIX в.)». — «Научные труды Моск. заочного полиграфического института», вып. 3, 1955, стр. 59—73.

[2] См., например, статью Е. А. Боброва «Полежаев как переводчик».— «Русский филологический вестник», 1903, № 1-2.

[3] Всего в сборнике «Morts bizarres» восемь произведений: пять драматических поэм и три лирических стихотворения. Только две драматические поэмы посвящены жизни древнего Рима.

[4] Знакомство Полежаева с живописцем А. В. Уткиным и литографом А. С. Ястребиловым дает право говорить о связях поэта со средой московских художников. А. С. Ястребилов сделал отличный литографированный портрет Полежаева, приложенный к сборнику «Кальян». Согласно устному преданию, ястребиловская литография исполнена по портрету А. В. Уткина, где Полежаев изображен рядовым. Однако на литографии Ястребилова Полежаев представлен в мундире унтер-офицера — очевидно, Ястребилов исполнил ее в 1833 г., уже после возвращения поэта с Кавказа.

[5] Первые 156 строк поэмы, вступление и эпилог, набранные петитом, напечатаны в издании 1857 г. Для полноты впечатления мы воспроизводим их снова. Эпилог под странным названием «Кар...а» был напечатан также в изуродованном цензурой сборнике Полежаева «Часы выздоровления». М., 1842, стр. 65—67.

[6] Моск. обл. архив, ф. № 354 (Моск. цензурного комитета), 1838 г., д. 37. 2. 190. Рукопись, тетрадь в четвертую долю листа,—повидимому, извлечение из тетради большего объема: нумерация страниц сделана рукою Полежаева. В тетради 18 листов без водяных знаков. Вверху титула надпись: «Г. ценсору Снегиреву. № 190. Поступила апреля 15 дня 1838 года. „Последний день Помпеи“». На обороте титула, то есть первого листа, написано: «Представлено от управляющего г-на Евреинова Егора Макарова Баркова, живущего в доме купца Логинова на Тверской улице. 1838 апреля 12 дня». Тут же рукою цензора И. М. Снегирева: «Мая 19, 1838 г. Ценсор и кавалер Иван Снегирев». На об. л. 18 зачеркнуто: «Картина II — Невеста и жених».

Как видно из описания тетради, она была продана поэтом отставному кавалерийскому офицеру Павлу Николаевичу Евреинову, так же как и другая тетрадь «Из Виктора Гюго», что с очевидностью явствует из цензурных надписей на титулах обеих тетрадей. Доверенным лицом Евреинова был его дворовый, Егор Макаров Барков.

О Евреинове и Баркове см. также указанную статью В. И. Безъязычного, стр. 65—66.

III. ПИСЬМА ПОЛЕЖАЕВА К Л. А. ЯКУБОВИЧУ

Публикация Т. Г. Динесман

Николай I отдал Полежаева в солдаты, чтобы пресечь его политическое влияние. Солдатчина не только убивала творческие силы поэта, но и разрушала его связи с друзьями. Вот почему исследователи жизни Полежаева располагают лишь скудными источниками для выяснения его биографии. Полежаев жил в казарме, подвергался всем жестокостям казарменного режима, к тому же его постоянно переводили с места на место. Бумаги Полежаева либо утеряны во время переездов, либо изъяты во время обыска. Материалы для биографии поэта ограничиваются несколькими официальными документами, некоторыми автобиографическими подробностями, рассеянными в его произведениях, да небольшим числом воспоминаний, ценность которых значительно снижается тем, что почти все они написаны людьми, не знавшими поэта близко. Наиболее же существенный для биографа источник — переписка — считалась до сих пор утерянной полностью.

При такой скудости биографических данных о Полежаеве два письма его, полученные в 1951 г. Государственным Литературным музеем в дар от П. А. Дубровского [1], приобретают особый интерес. Во-первых, это *единственные дошедшие до нас письма поэта*. Во-вторых, датированы они 1836 годом и относятся к пребыванию Полежаева в Калужской губернии и в Москве, то есть к последнему, наименее изученному периоду его жизни. До сих пор сведения о времени и обстоятельствах пребывания Полежаева в Калужской губернии основывались только на официальных данных о дислокации Тарутинского Егерского полка, в котором он служил с 1833 г.[2] Кроме того, известно, что стихотворение «На память о себе» написано Полежаевым во время его двухдневного пребывания в г. Мещовске (Калужской губ.) для И. Ф. Чупрова, смотрителя местного духовного училища [3], а два сатирических стихотворения [4] — в Жиздринском уезде; но эти сведения мало что дают биографу. Безуспешные попытки исследователей разыскать какие-либо новые данные о жизни Полежаева в Калужской губернии дали основание полагать, что на освещение этих лет жизни поэта вряд ли можно рассчитывать [5]. Очень мало известно и о последних годах жизни Полежаева в Москве. Документы о производстве в унтер-офицеры [6], воспоминания В. И. Ленца в передаче К. Н. Макарова [7], рассказ А. И. Герцена в «Былом и думах» [8] и воспоминания Е. А. Дроздовой-Комаровой в передаче Е. М. Белозерского [9] — вот основные источники, которыми располагают биографы. Публикуемые нами письма Полежаева не только содержат фактические данные об этом периоде его жизни, но до некоторой степени освещают личность самого поэта и дают материал для выяснения его дружеских связей, о которых до сих пор не было известно почти ничего.

«Луциан» или «Люциан» (к нему обращены письма) — один из друзей Полежаева, поэт Лукьян Андреевич Якубович. Утверждать это позволяют следующие данные. В «Записках» И. П. Сахарова есть упоминание о том, что Якубович был дружен с Полежаевым [10]. Ему же посвящены два стихотворения Полежаева: перевод думы Ламартина «Восторг» (1826) и «Прощанье с жизнью» (1835). Это уже дает некоторые основания полагать, что «Луциан» и Лукьян Якубович — одно лицо. Окончательно подтверждают наше предположение два факта. Во-первых, сообщение самого Полежаева в одном из писем о своем приезде в калужское имение родителей «Луциана» и упоминание имени его отца — Андрея Федоровича. Известно, что Лукьян Якубович был сыном литератора Андрея Федоровича Якубовича, который с 1817 г. служил в Калужской губернии и владел там небольшим имением [11]. Во-вторых, упоминание о предполагающемся издании стихов «Луциана»: именно в это время Якубович занимался подготовкой к печати сборника «Стихотворения», который вышел в свет в Петербурге в начале 1837 г.

Л. А. Якубович (1805—1839) окончил Московский Благородный пансион в 1826 г. и с 1828 г. начал печататься в «Атенее» М. Г. Павлова, затем в «Галатее» С. Е. Раича. Позднее стихи его постоянно появлялись на страницах многих журналов и альманахов: в «Телескопе», «Молве», «Литературной газете»; встречаются они даже в «Современнике» Пушкина. В 1837 г. вышел сборник стихотворений Якубовича.

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. И. ПОЛЕЖАЕВА К Л. А. ЯКУБОВИЧУ ОТ ФЕВРАЛЯ 1836 г.

Листы первый и последний

Литературный музей, Москва

По свидетельству И. И. Панаева, Якубович «пользовался <...> между журналистами и издателями альманахов значительной известностью. Без его стишков не обходился почему-то ни один журнал, ни один альманах» [12]. Существовал он почти исключительно уроками и литературными заработками, которые были ничтожны, всю жизнь очень нуждался и умер в крайней бедности.

У Якубовича, типичного эпигона романтизма, не было сколько-нибудь значительного дарования, и творчество его не представляет интереса [13]. Но общение с кругом сотрудников «Телескопа», «Литературной газеты», «Современника», а также знакомство с Пушкиным [14] не могли не отразиться на личности и взглядах Якубовича. Возможно, что Полежаев, оторванный от литературной и общественной жизни своего времени, был в курсе тех идей и проблем, которые стояли в центре внимания прогрессивных кругов русского общества тридцатых годов, именно благодаря Якубовичу.

Обстоятельства, при которых Полежаев сблизился с Якубовичем, остаются невыясненными, однако несомненно, что знакомство их состоялось не позднее 1826 г., так как в 1826 г. Полежаев посвятил Якубовичу перевод думы Ламартина «Восторг» [15]. Н. Л. Бродский полагает, что стихотворения Полежаева доходили до «Галатеи» (где они печатались в 1829 г.) через Якубовича и что через него же участники пансионского кружка С. Е. Раича доставали рукописные копии запрещенных произведений поэта [16].

В тридцатых годах Якубович жил в Петербурге, но иногда приезжал в Москву [17].

Якубовичу принадлежит одна из первых критических статей о стихотворениях Полежаева [18]. Не имея возможности из-за цензуры полнее охарактеризовать творчество своего друга и рассказать о его судьбе, Якубович отмечает в этой статье «поэтический взгляд, сильные чувства <...> и оригинальность» его поэзии (статья посвящена сборнику «Стихотворения» А. Полежаева, 1832).

До сих пор, говоря о дружбе Полежаева с Якубовичем, биографы опирались лишь на беглое свидетельство И. П. Сахарова: «Якубович был дружен с Полежаевым и горячо его любил» [19], и на два стихотворения, посвященные Якубовичу, о которых было сказано выше [20]. Публикуемые же письма — неоспоримое доказательство существовавшей между Полежаевым и Якубовичем тесной дружбы.

Первое письмо Полежаева, датированное февралем 1836 г., написано из имения родителей Якубовича в Калужской губернии, куда Полежаев приехал по приглашению друга. В это время Тарутинский полк, в котором он служил, стоял под Жиздрой, и такая поездка была для Полежаева вполне возможна. Не застав Л. А. Якубовича дома, он провел день в семье его родителей [21].

В письме содержатся некоторые подробности, проливающие свет на этот мало исследованный период жизни Полежаева. Известно, что с осени 1834 г. Тарутинский полк был расквартирован в Жиздринском уезде Калужской губернии. Известно также, что в 1836—1837 гг. часть полка несла караулы в Москве [22]. Воспоминания В. И. Ленца о встречах с Полежаевым, отрывочные и неясные, свидетельствуют о том, что в 1836 г. Полежаев находился в Москве [23]. Однако ни причины, ни время его пребывания там не были известны. Можно было только предполагать, как это и делает В. В. Баранов, что Полежаев жил тогда в Москве постоянно, находясь в тех частях полка, которые несли караульную службу [24]. Письмо Полежаева, в котором он сообщает о выступлении Тарутинского полка из Жиздры, не только подтверждает это предположение, но и позволяет довольно точно установить, когда Полежаев прибыл в Москву. Датируя письмо февралем 1836 г., Полежаев сообщает, что через двенадцать дней полк будет в Москве. Таким образом, покинув Жиздринский уезд в феврале, он был в Москве во второй половине того же месяца или в начале марта. Из этого же письма мы узнаем, что в Москве Полежаев выпужден был жить в Спасских казармах — в тех казармах, с которыми у него была связана память о годовом тюремном заключении.

Второе письмо, датированное 8 октября 1836 г., написано в Москве. Из воспоминаний В. И. Ленца было известно, что к этому времени здоровье Полежаева ухудшилось [25]; однако только из этого письма мы узнаем, что уже осенью 1836 г. наступило резкое обострение болезни, которое вынудило начальство перевести поэта в госпиталь.

Это письмо почти полностью посвящено попыткам Полежаева получить долю наследства, оставшегося после его дяди — А. Н. Струйского. Якубович был не только в курсе этого дела, но, очевидно, вел его, являясь посредником между Полежаевым и семейством Струйских.

Враждебное отношение Струйских к Полежаеву известно давно. Родственники видели в незаконном сыне Леонтия Николаевича Струйского возможного претендента на долю в имении. По-иному относились к поэту только бабушка его — Александра Петровна Струйская [26] и дядя — Александр Николаевич. О наследстве, оставшемся после Александра Николаевича, и идет речь в письме Полежаева [27]. До сих пор о том, что Полежаев претендовал на долю в имении Струйских, ничего известно не было.

Имѣю необходимую надобность васъ видѣть равно какъ и ректора здѣшняго Университета Генерала Писарева и прошу васъ быть ко мнѣ завтре, въ 11 часовъ до полудни; и если нѣтъ на лицо здѣсь студента Александръ Полежаевъ то и ему велѣть быть тогда же ко мнѣ

ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I К МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ А. С. ШИШКОВУ ПО ПОВОДУ ПОЭМЫ А. И. ПОЛЕЖАЕВА «САШКА», АВГУСТ 1826 г.

В записке царь требует привести к нему Полежаева. За этим вызовом последовала сдача поэта в солдаты

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Увенчались ли успехом попытки Якубовича добиться чего-либо от Струйских, не установлено.

Письмо Полежаева свидетельствует, что двоюродный брат его, Дмитрий Струйский [28], не порывал с ним связи и даже, по настоянию Якубовича, помогал ему. Об этом говорит не только сообщение Полежаева о полученных им от Дмитрия деньгах, но и то, что он просит сказать Дмитрию и Наталье (то есть матери Д. Струйского — Наталье Филипповне) о своей тяжелой болезни.

Таким образом, публикуемые письма содержат немало новых данных для биографии Полежаева.

1

〈Февраль 1836 г. Сосновка.〉

Гражданин Луциан!

Накануне выступления Тарутинского полка из Жиздры, я получил твое повеление лично явиться к тебе в Сосновку. Надобно думать, что вся Калужская губерния принадлежит тебе, потому что на каждой версте встречаешь деревни и села под названием: Сосновка. Наконец, отыскиваю истинную, скачу к тебе и не застаю дома. Знаешь ли, что скажу тебе? Я ни мало о том не жалею: после 10-тилетнего калмыцкого кочевания по белому свету я в лице твоих почтеннейших родителей нашел все родное,

все милое моему сердцу, провел 24 часа в такой новой, отрадной для меня сфере, что теперь пишу тебе эти строки, как будто с третьего неба, и с чувством душевного сожаления и тяжким вздохом снова приготовляюсь упасть на несчастную землю. Не буду говорить много: никогда не истребятся из моей памяти приятные минуты, проведенные мною в кругу твоего милого, редкого — чуть, чуть не сказал: моего собственного семейства! — Да, любезный Лупиан, теперь я тебе брат, потому что с сей поры не хочу почитать Андрея Федоровича иначе, как отцом моим. Благородный образ мыслей, живое истинное участие, оказанное мне всеми в вашем доме, налагают на меня священную обязанность так мыслить и сохранить эти мысли навсегда. В первом письме моем из Москвы разговорюсь с тобою поболее. Через 12-ть дней будем там, адресуй ко мне письма в Т⟨арутинский⟩ Е⟨герский⟩ полк в Спасские казармы на мое собственное имя. Пиши все, что вздумаешь, — никто не прочтет их, кроме меня. Кстати, к Струйским я еще не писал и не знаю об каком касающемся до меня деле хотел ты со мной объясниться. Сделай одолжение, порадуй меня поскорее несколькими строками — марай, марай и марай как можно больше, мне приятно все, что твое. С моей стороны заплачу́ тебе тою же монетою! Прощай — верь, что ты мало найдешь людей, которые бы тебя любили как я!

1836-го февраля дня
Сосновка.

А. Полежаев

В комнате твоего брата — vis-à-vis* — запертого кабинета *человека с кошачьими когтями.*

№. Хотел тебя немного поцарапать, да бог с тобою! Молись за дни твоих родителей — вот одно, в чем тебе завидую.

2

⟨8 октября 1836 г. Москва.⟩

Здравствуй милый, добрый мой Люциан!

Мы с тобой всегда нездоровы и по одной причине: *ради малого сокрушения!* Слава богу, что ты не отдал душу богу в дилижансе, но жаль, что и в Питере мучат тебя спазмы. Я не знал, что думать об твоем долгом молчании, как вдруг однажды приносят мне объявление на 100 р. денег. Я догадался, откуда они приплыли, и надеялся в письме увидеть и твоих две-три строки. Не тут-то было: Дмитрий написал мне *весьма разумное слово* в форме эпистолы, желает мне всяких благ и, наконец, заключает тем, что он с фамилией покойника А. Струйского связей не имеет и советует мне отнестись с моими претензиями *на наследство* к прабабушке Еве — к Александре Петровне. Я внял совету благоразумного мужа и отрядил по почте к почтенной старушке горькое и слезное возрыдание. Надеюсь, что оно произведет желаемое действие и на днях доставит мне хоть пару сотенок. Все тебе, мое сокровище, обязан я за эти щедроты провидения и не знаю, как и чем воздать тебе! Сделай милость, не упускай случая болтнуть обо мне что-нибудь Дм⟨итрию⟩ и Наталье... Это не мешает!.. Хотелось бы еще знать как они теперь расположены ко мне, уведомь, ради бога, и скажи им, что ты получил от меня письмо, исполненное чувств истинной признательности к их особам и проч. и проч., что я болен опаснее прежнего и опасаюсь последствий моей болезни.— Рад душевно, друг мой, что ты нашел в Питере старых знакомцев ⟨...⟩ Твое письмо получил я недавно и извини, что отвечаю поздно. Болел, окаянный, сильно болел спазмами и сердцебиением. Если б ты видел меня тогда, как я получил

* напротив (франц.).

и читал твое письмо, то верно умер бы со смеху — оно застало меня в полном упоении чувств и тела!!! Как скоро старушка меня приголубит деньжонками, то по первой же почте поделюсь с тобою ⟨...⟩ Скоро ли пустишь в свет свои стихи? Не медли, не робей и стяжай венок бессмертия! Ко мне пиши так же: в военный госпиталь и проч. В другой раз намараю побольше, но любить тебя более не могу! Я предан тебе весь и целую тебя в лоб ⟨...⟩ Прости, ради Христа! Теперь я настоящая ⟨...⟩— Письмо, приложенное здесь, передай Струйским и будь моим адвокатом... Прощай, будь здоров и весел. Это дороже всего. Пиши чаще и радуй душу мою.

Твой навсегда А. Полежаев

Москва 1836 г.
Октября 8-го дня.
Военный гошпиталь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный Литературный музей, шифр 25143/1—2.

[2] В. В. Баранов. А. И. Полежаев. Биографический очерк.— А. И. Полежаев. Стихотворения. М.—Л., 1933, стр. 105, 110, 120—121.

[3] А. И. Полежаев. Стихотворения. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1889, стр. 539.

[4] «Село Печки» и «Нечто о двух братьях князьях Львовых».— А. И. Полежаев. Стихотворения. М.—Л., 1933, стр. 258, 262.

[5] В. В. Баранов. Указ. статья, стр. 121.

[6] Там же, стр. 127.

[7] К. Н. Макаров. Воспоминания о поэте А. И. Полежаеве. — «Исторический вестник», 1891, № 4, стр. 110—115.

[8] А. И. Герцен. Былое и думы (Герцен, т. XI, стр. 154—157; глава «Полежаев»).

[9] [Е. А. Дроздова-Комарова. Воспоминания об А. И. Полежаеве.] Е. М. Белозерский. К биографии поэта А. И. Полежаева.— «Исторический вестник», 1895, № 9, стр. 644—647.

[10] «Записки» И. П. Сахарова.— «Русский архив», 1873, кн. 1, стб. 955.— Там же указано, что в архиве Сахарова имеются письма к нему Якубовича, в которых говорится о Полежаеве. В обследованном нами архиве Сахарова (ГПБ) сохранились три письма Якубовича, датированные 1831 и 1836 гг., но имя Полежаева в них не упоминается. Нет упоминаний о Полежаеве и в письмах Якубовича к художнику Н. А. Степанову и к А. В. Никитенке (ИРЛИ).

[11] Там же, стб. 952—956; «Некролог» Якубовича.— «Северная пчела», 1839, № 269 от 28 ноября; В. В. Баранов. Указ. статья, стр. 107.

[12] И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Под ред. И. Г. Ямпольского М., 1950, стр. 65.

[13] Подробную характеристику поэзии Якубовича см. в книге: Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, стр. 133—138.

[14] Якубович был знаком с Пушкиным. Несколько стихотворений Якубовича Пушкин опубликовал в альманахе «Северные цветы» на 1832 г., а затем в «Современнике» 1836 г. (т. IV). Имя Якубовича, безусловно, было хорошо известно Пушкину и раньше, так как отзыв Пушкина о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» был опубликован в рецензии Якубовича на повести Гоголя («Лит. прибавления к Русскому инвалиду», 1831, № 79; см. также: Пушкин. Письма. Под ред. Л. Б. Модзалевского, т. III. М.—Л., 1935, стр. 406—408). В письме к Пушкину от 15 января 1837 г. М. Л. Яковлев — дядя Якубовича — говорит о племяннике, как о лице, Пушкину хорошо известном: «Племянник мой, много-известный тебе человек, желает тебе помогать в издании „Современника“. Малый он с понятием, глядит на вещи прямо, суждение имеет свое, не дожидая: что́ скажет *такой-то*; а всего более трудолюбив. С такими качествами, может он быть тебе полезен *труда́ми*, а ты ему *деньга́ми*» (Пушкин, т. XVI, стр. 217). Вполне возможно, что после этого письма Пушкин ближе познакомился с Якубовичем и намеревался последовать рекомендации Яковлева. Во всяком случае, из дневника Н. И. Иваницкого («Пушкин и его современники», вып. XIII. СПб., 1910, стр. 32—33) и из записок И. П. Сахарова известно, что именно в январе 1837 г. Якубович бывал у Пушкина в доме. И. П. Сахаров вспоминает: когда за три дня до дуэли с Дантесом он посетил Пушкина, поэт «горячо спорил с Якубовичем» («Записки» И. П. Сахарова.— «Русский архив», 1873, кн. 1, стб. 955). Однако утверждение Сахарова, будто у Пушкина с Якубовичем «была дружба неразрывная», явно преувеличено. Следует отметить, что Якубович написал некролог Пушкина («Северная пчела», 1837, № 24 от 30 января). «Россия,— писал Якубович,— обязана

Пушкину благодарностию за 22-летние заслуги его на поприще словесности, которые были ряд блистательнейших и полезнейших успехов в сочинениях всех родов». За эти строки Н. И. Греч, как издатель «Северной пчелы», получил строгий выговор от Бенкендорфа (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1905, стр. 285).

[15] В. В. Баранов относит сближение Полежаева с Якубовичем к 1828 г. (В. В. Баранов. Указ. статья, стр. 107—108).

[16] Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, стр. 200.

[17] «Записки» И. П. Сахарова. —«Русский архив», 1873, кн. 1, стб. 952—953.

[18] «Северная пчела», 1832, № 222 от 24 сентября.

[19] И. П. Сахаров. Указ. соч., стб. 955.

[20] Кроме того, известны четверостишия Полежаева и Якубовича в альбоме Ф. А. Кони (1833):

Что написать, ей-ей, не знаю —
Девиц и женщин не терплю,
Лишь душу, чувство уважаю,
И ум я искренно люблю...

А. Полежаев

Его стихи я продолжаю:
Девиц и женщин я люблю;
Тебя я просто — уважаю,
Скотов я просто — не терплю.

Л. Якубович

(А. И. Полежаев. Стихотворения. СПб., 1889, стр. 198, 539).

[21] А. Ф. Якубович родился в семидесятых годах XVIII в. Будучи студентом Московского университета, он сотрудничал в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Ипокрена, или утехи любословия». В 1804 г. Якубович выпустил в свет знаменитый сборник Кирши Данилова «Древние русские стихотворения»; издание это было предпринято им по поручению владельца рукописи, Ф. П. Ключарева. Ко времени знакомства с Полежаевым А. Ф. Якубович оставил литературную деятельность и служил почтмейстером в Калужской губернии (см. В. В. Баранов. Указ. статья, стр. 107—108; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 226—227).

[22] В. В. Баранов. Указ. статья, стр. 120, 124.

[23] К. Н. Макаров. Воспоминания о поэте А. И. Полежаеве.— «Исторический вестник», 1891, № 4, стр. 110—115.

[24] В. В. Баранов. Указ. статья, стр. 124.

[25] К. Н. Макаров. Указ. соч., стр. 110—115.

[26] Александру Петровну Струйскую Полежаев называет «прабабушкой Евой», очевидно, потому, что она была главой многочисленного семейства, в котором пользовалась непререкаемым авторитетом. А. П. Струйская поддерживала отношения с внуком и постоянно, хотя и не регулярно, оказывала ему денежную помощь. Эти сведения, записанные со слов членов семьи Струйских (см. Е. А. Бобров. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографиею поэта А. И. Полежаева.— «Русская старина», 1903, № 8, стр. 265—270; № 9, стр. 495—496), подтверждаются письмом Полежаева.

[27] Александр Николаевич Струйский, изображенный в поэме «Сашка», вначале принимал большое участие в воспитании Полежаева. Живя в Петербурге, он был далек от остальных членов семьи, не разделял их враждебного отношения к племяннику и поддерживал его в студенческие годы. Однако, когда Полежаев был отдан в солдаты, А. Н. Струйский резко изменился к нему. В тридцатых годах перемена обозначилась еще определеннее. Он перестал интересоваться судьбой племянника. Выйдя в отставку и поселившись в Рузаевке, А. Н. Струйский так жестоко обращался с крепостными, что заслужил прозвище «Страшный барин» и в 1834 г. был ими убит (см. Е. А. Бобров. Указ. соч. — № 8, стр. 275—280; И. А. Воронин. А. И. Полежаев. Жизнь и творчество. Саранск, 1941, стр. 101—102, 165—166).

[28] Д. Ю. Струйский (поэт и музыкант, писавший под псевдонимом Трилунный)— сын Юрия Николаевича Струйского, относившегося к Полежаеву враждебно. В свое время против воли родственников Ю. Н. Струйский женился на крепостной, Наталье Филипповне, и узаконил своих сыновей от нее — Сергея и Дмитрия. Этому предшествовала сложная интрига, которую он вел, чтобы не допустить женитьбы Леонтия Струйского на матери Полежаева. Отношения в семье так обострились, что Ю. Н. Струйский уехал из Рузаевки вместе с женой и детьми, порвав всякую связь с родными. Все это обусловило отчуждение между Полежаевым и молодыми Струйскими. Учась вместе в Московском университете, они оставались друг другу чужими. До сих пор считалось, что и впоследствии они не поддерживали друг с другом никакой связи (см. Е. А. Бобров. Указ. соч.— № 8, стр. 270—274; И. А. Воронин. Указ. соч., стр. 104—105); публикуемое письмо опровергает эту точку зрения.